

Презренный жаргон или язык еврейской аристократии?

Ломать копыта вокруг идиша мы решили с профессионалом — наш сегодняшний гость д-р Мордехай Юшковский, инспектор Министерства просвещения Израиля по преподаванию идиша, автор десятков статей в израильской и мировой прессе. Впрочем, это мы у него в гостях — на международном семинаре по преподаванию идиша, который проводит в украинской столице Всемирный еврейский конгресс при поддержке киевского офиса ЕАЕК и Ваада Украины.

— Д-р Юшковский, оплакивая судьбу идиша в XX веке, принято говорить, что Гитлер убил читателей, а Сталин писателей... Это так, но не кажется ли вам, что эти два палача лишь ускорили процесс? А настоящий убийца идиша как языка — модернизация и ассимиляция. Ведь еще в 1930-е годы советские евреи предпочитали отдавать детей в русские школы (при наличии сотен еврейских — с обучением на идиш), и в те же годы провалились гастроли ГОСЕТа в Ленинграде — евреи не спешили в идишский театр, предпочитая ему русскую драму. Те же процессы переживало и американское еврейство — 200 000 (!) подписчиков было когда-то у старейшей ежедневной газеты на идиш «Форвертс» — сегодня их с трудом наберется две тысячи. А в Соединенных Штатах не было ни Сталина, расстрелявшего цвет еврейской литературы, ни Холокоста...

— За тысячи лет рассеяния евреи выработали два инструмента, позволивших

сохраниться им как народу, — язык и традиции. Пока эти инструменты у евреев были, они оставались евреями, как только их предали забвению — общины сошли на нет. Еще Шолом-Алейхем в начале прошлого века пророчествовал, что, забыв идиш, евреи перестанут быть евреями. И мы сегодня этому свидетели — и здесь, в СНГ, и в Соединенных Штатах. Вы правы, сто лет назад Нью-Йорк был империей идиша, в 1928 году на одной только Второй авеню было 23 еврейских репертуарных театра, не считая семи еврейских театров на Бродвее. К 1949 году из этих тридцати театров остался один... Из сотен еврейских газет и журналов на идише выжили единицы. И что? Если в 1980-е годы американских евреев насчитывалось шесть миллионов, то сегодня их около пяти, причем с той или иной общиной идентифицируют себя не более 1,5 млн. Аналогичная ситуация и в Украине. Говорят, что в Киеве — не по переписи, а по происхождению — живет около 80 000 евреев. Сколько из них участвуют в еврейской жизни? Две тысячи, пять, семь?

— Была ли в принципе возможность остановить эти печальные тенденции?

— Всё зависит от народа — будем самокритичны — видимо, евреи не очень дорожили своими ценностями. В России они хотели стать русскими, в Германии — немцами, а в США — американцами. И им это во многом удалось, но евреями они быть перестали. Оставляя идиш, вы ведь оставляете не только язык, но и себя. Поэтому сегодня мы встречаем людей с фамилиями Коэн и Леви, которые понятия не имеют о своем происхождении. Так или иначе, но идиш хранил еврейство!

— Но у нашей идентичности были и другие маркеры, например, государственный антисемитизм. Советский еврей мог не знать ни слова на идише, оставаясь при этом «инвалидом пятого пункта»...

— Очень плохо, когда мы чувствуем себя евреями только тогда, когда нас ненавидят. Человек, живший в поле идишской культуры, нес свое еврейство обычно с гордостью, а тот, кто ощущал себя евреем просто потому, что ему не давали об этом забыть, — нес его со стыдом.

— Я помню самое начало 1990-х — романтический период еврейского возрождения — у идиша тогда был шанс, но интерес к этому языку был убит...

— Это правда, и надо спросить себя, кем убит? Я работал в конце 1980-х в редакции «Советиш Геймланд» — единственном легальном еврейском литературном издании в СССР. В то время как вся страна покрылась сетью ульпанов, а «Натив» и «Сохнут» привезли десятки, а то и сотни тысяч учебников иврита, у желающих учить идиш не было абсолютно ничего, кроме уроков на последних страницах каждого номера нашего журнала. Ко мне обращались люди, которые хотели найти себя, — идиш для них был единственным мостом к своему еврейству, речь шла о поколении, чьи родители уже забыли дорогу в синагогу. Тогда я очень четко осознал, что для русскоязычных евреев этот язык был единственным мостом, по которому они могли вернуться к своим корням.

— Вернуться куда? Для многих идиш ассоциировался с униженной, бесправной и глубоко провинциальной общиной — штетлом, в отличие от иврита — языка гордых израильтян, новой породы евреев, умеющих и на скрипке сыграть, и за себя постоять.

— Почему-то в Украине и вообще на постсоветском пространстве штетл вызывает негативные коннотации, но дай Бог нам вернуться к тем ценностям, на которых он зиждился. К тому моральному коду коллективного сознания, выраженному в одной лишь фразе, которую я повторял все дни семинара, — *эс паст ништ* — не подходит. Это неписанный кодекс, внутренняя граница, которую человек не переступал. Штетл был автономным институтом еврейской жизни, где община давала оценку тому или иному поступку. Поэтому идиш изобилует понятиями, вышедшими сегодня из употребления, например: *как я смогу людям в глаза смотреть? что город скажет?* и т.п. Этого нет сегодня — вместе с идишем ушла граница стыда. Когда в Израиле разгорается очередной скандал, все начинают говорить, мол, мы потеряли стыд. На самом деле речь идет об утрате *эс паст ништ* — той внутренней составляющей, которая была когда-то естественной моральной границей человеческих поступков.

Голда Меир как-то сказала, что местечко — это не только унижение,

антисемитизм и погромы, но и система ценностей, общинная этика, взаимопомощь, мужество и самопожертвование. В современном Израиле очень популярна фраза *ма ихпат ли* — мне нет до этого дела. Так вот, в местечке до всего было дело, и в каждом зачуханном штетле работала система социальной взаимопомощи — общество по сбору приданого бедным невестам, общество *махзикеЙ шабес*, чьи «курьеры» перед шаббатом анонимно ставили под двери бедных домов халы и вино, общество *малбиш арумим*, собиравшее одежду для неимущих, и т.д. В местечке было то прекрасное, что утратил современный мир, и это прекрасное увековечено в литературе на идиш.

— Так мы говорим о возрождении идиша в какой бы то ни было форме или все-таки о его сохранении, увековечивании и изучении?

— Я прекрасно понимаю, что идиш вряд ли когда-нибудь снова станет языком улицы, хотя он и остается живым языком в ультраортодоксальных общинах по всему миру. Сегодня во многих кварталах Нью-Йорка, Иерусалима или Бней-Брака дети с рождения говорят на идиш. Я как инспектор Министерства просвещения Израиля вижу таких детей и в израильских школах.

— Вероятно, это единственный способ сохранения идиша — в замкнутой, геттоизированной общине, сознательно ограничившей контакты с внешним миром. Но как сделать популярным для светских (или даже не очень светских) евреев язык, на котором ребенок не может прочитать «Гарри Поттера» или посмотреть мультфильм «Фиксики»?

— Своей задачей я вижу как раз возвращение именно светских евреев к огромной культуре, созданной на идиш. Пора понять, что не может быть нормального еврейского образования без идиша. Абсурд, когда в Украине в школе, называющей себя еврейской, изучают Меира Шалева и Давида Гроссмана, но не Шике Дриза, Давида Гофштейна или Гершла Полянкера. Согласитесь — творчество этих авторов намного ближе ученику местной еврейской школы — и по тематике, и по духу, ибо этой литературе гораздо проще вернуть его и к семейным корням, и к национальным.

— Вопрос о преподавании идиша в еврейских школах поднимался местными общинными лидерами, но безуспешно. И это вовсе не козни тех, кто «заказывает музыку», дело в сопротивлении родителей...

— После того как израильские посланники рассказывали им о «презренном жаргоне», что ж вы хотите? Они не понимают, что теряют великую культуру и заодно — свою идентичность. Кто, например, слышал о Шоломе Аше? А ведь это еврейский Лев Толстой — автор 39-ти исторических романов. Кто здесь знает об огромной литературе, сопровождавшей эмиграцию 2,5 млн европейских евреев в начале прошлого века? Кто сегодня помнит о том, что такое *трахомэнэ ойгн* (больные глаза) — не было в свое время ни одной еврейской газеты, которая об этом бы не писала, ведь из-за *трахомэнэ ойгн* тысячи эмигрантов, проделавших тяжелейший путь до Эллис-Айленд, вернули назад — в Европу. Кто помнит Хаима Граде — писателя мирового масштаба, одного из крупнейших в XX веке, или Иосифа Опатошу, чья эпопея «В польских лесах» — это вся история и суть хасидизма? О каком еврейском образовании в диаспоре можно говорить без этих имен? Именно эти имена сформировали мировую еврейскую культуру в XX веке.

— Всё это великое наследие нашего прошлого, но, согласитесь, современный язык должен отвечать современным вызовам...

— У идиша нет проблем ни с компьютерными технологиями, ни с хай-теком. На самом деле, идиш сегодня — это инструмент для светского человека быть евреем. Я живу в Израиле 25 лет и обожаю мою страну. Но каждый день я вижу молодых израильтян, осознавая, что в них очень мало еврейского. Иврит? С таким же успехом они могли бы говорить по-французски. Подавляющее большинство из них очень далеко от еврейских традиций, не росли на еврейских ценностях и чувствуют себя одинаково комфортно в Тель-Авиве, Нью-Йорке, Париже и т.д. Молодежь слушает, в основном, западную музыку и ходит в рестораны с иноязычными названиями — в Тель-Авиве сегодня, согласно статистике, 85% таких заведений! На иврите, за который так боролись, стесняются даже назвать ресторан? Так в чем заключалась цель сионизма — создать ЕВРЕЙСКОЕ государство или изобрести новый этнос, всего лишь говорящий на иврите и очень далекий от всего еврейского?

Что касается интереса к идишу, то, например, мои (не бесплатные) курсы в

Израиле еженедельно посещают около 2500 человек — это гораздо больше, чем приходят на подобные лекции по ивритской литературе. Мы собираемся в самых престижных аудиториях страны — Музее Израиля в Иерусалиме, Музее Эрец Исраэль в Тель-Авиве, Синематеке и др. — каждый такой зал вмещает до 200-300 человек. На сайте курсов идиша в Музее Израиля или Музее «Тикотин» в Хайфе полгода назад уже висел баннер «мест нет», люди обрывают телефон, просят разрешения прийти со своим стулом...

Об интересе к музыке нечего и говорить — идишистские рок и панк-группы выступают в престижных клубах, трехдневный абонемент на фестиваль идиша на Мертвом море обходится в 3000 шекелей, и через неделю после первого анонса обычно нет ни одного места.

В Тель-Авиве работает студия современной еврейской песни Нехамы Лифшиц — там одна молодежь. В театре «Идишпиль» большая часть публики — молодые люди. И это не единственный идишистский театр — есть молодежная студия в Тель-Авиве, где поставили несколько спектаклей, в том числе о еврейской еде, — «Монологн фун дэр кишкэ». Они собирают полные залы.

— Кто все эти люди? Набросайте их социальный портрет.

— Это те, кого воспитывали в духе отторжения идиша и всего галутно-местечкового. Сегодня они массово возвращаются. На протяжении 18 лет я провожу по Украине литературно-фольклорные туры для израильтян — кто-то хочет увидеть штетл дедушки, другой — родину бабушки и т.д. В итоге они получают здесь такую порцию идишкайт, что через идиш возвращаются в отчий дом и уже в Израиле начинают ходить на мои курсы. Сидит такой человек на лекции по литературе и вдруг начинает плакать — эту поговорку я слышал от мамы 30 лет назад, а эту песню пела бабушка...

— А как обстоят дела в диаспоре?

— Идиш преподается сегодня в более семидесяти университетах мира, на множество летних курсов съезжаются тысячи молодых людей — в Вильнюс, Страсбург, Париж, Нью-Йорк, Тель-Авив. Этот язык все больше притягивает, ведь мы всегда ищем то, чего нет рядом. Когда идиш лился на улицах бурным потоком, никто не обращал на него внимания, когда он почти исчез — его начинают искать. Писатель Авраам Карпинович, с которым я был очень

дружен, говорил, что пройдет еще немного времени, и идиш станет языком аристократии еврейского народа. Таким же, каким когда-то был иврит. Я уже вижу зерна этого процесса. И как нас ни уговаривают, что идиш умер, я — свидетель того, что спрос на него ежегодно только растет. Он очень живуч, этот язык, сколько его не убивай... Как писал Ицик Фефер, — «у него даже в пепле теплится огонь».

Башевис-Зингер заметил в своей нобелевской речи, что «идиш еще не сказал своего последнего слова, ибо в нем заложена идиома испуганного и надеющегося человечества». Я знаю шесть языков, но ни в одном из них не таится столько простой человеческой мудрости, сколько в идише — в речевых оборотах, поговорках, пословицах, в аутентичной способности подсластить горести улыбкой. Идиш — это мост между еврейским и универсальным — между *идишкайт* и *мэнчлэхкайт*.

— Насколько успешен опыт возрождения умирающих языков? Мэнский, гэльский, ирландский... Можно ли поставить идиш в этот ряд?

— Сегодня и в Варшаву, и в Краков, и в Амстердам, и в Торонто на фестивали идиша приезжают десятки тысяч человек. В основном, не евреи, которые поняли, что вместе с идишем из общеевропейской панорамы ушел очень важный компонент. И его необходимо вернуть. В Варшаве большая группа студентов-поляков собирается раз в месяц в кафе «Касриловка» и читает книги на идише. Я спрашиваю у одного из них, мол, зачем тебе это? И получаю ответ: это часть моей культуры — Башевис и Шолом Аш, Иосиф Опатошу и Исраэль Зингер для меня такие же польские писатели, как Адам Мицкевич. Они жили и творили на этой земле, описывая польские реалии, — да, на другом языке, поэтому я и учу идиш, чтобы читать их в оригинале.

В одном маленьком рассказе Башевиса-Зингера я насчитал 19 варшавских адресов, и впервые оказавшись в Варшаве в 2000-м, ходил без карты, «помня» расположение той или иной улицы. Более того, я знал, что на углу Маршалковской и Швентокшиской была молочная ресторация Котика, где стоял первый телефон в городе. Я ходил по улице Крохмальной, отмечая про себя, кто в какой квартире жил, — все благодаря Башевису. И, закрывая глаза, я возвращаюсь в Варшаву начала прошлого века, наполняя новые камни старым содержанием.

— А как поможет влить молодое вино в старые меха ваш нынешний семинар?

— Четыре месяца назад в Вильнюсе Всемирный еврейский конгресс создал Центр по изучению языка и культуры идиш. И здесь, в Киеве, мы при помощи Евроазиатского еврейского конгресса собрали координаторов — людей, серьезно изучающих идиш, в том числе в Киево-Могилянской академии. Наша цель — дать им методические инструменты, чтобы они смогли привозить в Вильнюс своих учеников, которых, надеюсь, с каждым годом будет все больше.

Беседовал Михаил Гольд